

ЕВА РОМАНОВА

Пока цветут яблони

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Художественное оформление *Марии Козловой*

Романова, Ева.

Р69 Пока цветут яблони / Ева Романова. — Москва : Эксмо, 2027. — 320 с. — (Young Adult. Молодежная российская романтическая проза).

ISBN 978-5-04-252360-1

Ася и Глеб дружат с детства и с каждым годом становятся всё ближе. Вместе они встречают рассветы, мечтают о будущем и постепенно понимают: дружба превратилась в любовь. Им кажется, что впереди ещё целая вечность, чтобы всё успеть. Однако жизнь оставляет им гораздо меньше времени.

Теперь у Аси и Глеба есть всего несколько дней, чтобы успеть достичь одну последнюю цель: сложить тысячного журавлика. Того самого, которого когда-то оставили для самого счастливого дня.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252360-1

© Ева Романова, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

Счастье не длится. Оно случается.

Бабушка Зоя

ПРОЛОГ

Сад зацвёл за одну ночь — как будто кто-то наверху больше не мог ждать.

Я нёс плед и термос и боялся одного: что она замёрзла. Земля ещё держала ночной холод, и трава по щиколотку была ледяной от росы, но небо на востоке уже выцветало — из чернильного в серое, из серого в то самое, которому я так и не подобрал названия за все наши рассветы. Она бы подобрала. Она всему умела давать имена.

Она, закутанная в отцовскую куртку, сидела на дощатой скамейке под самой старой яблоней, маленькая, как воробей в чужом оперении. На коленях у неё лежала шкатулка. Выцветшая, с потёртой крышкой, со снегирём, выжженным на боку неровной рукой деда. Я знал эту шкатулку столько же, сколько знал её саму. Иногда мне казалось — дольше.

— Ты должна была меня разбудить, — сказал я и сел рядом, накрывая пледом нас обоих.

— Ты так хорошо спал. — Она не повернула головы. — Я смотрела и думала: пусть ему приснится что-нибудь длинное. Что-нибудь на вырост.

Пальцы у неё были заняты. Белый квадратик бумаги поворачивался в них, складывался и оживал: крыло, второе крыло, острый клюв. Она делала это тысячу раз, и я тысячу раз не мог отвести глаз. В полутьме её руки казались отдельными от неё — двумя бледными птицами, которые учили летать третью.

Где-то за домами простучала первая электричка. Запахло сразу всем: росой, корой, дымом чьей-то ранней печки и яблоне-

вым цветом — горьким, белым. Этот запах нельзя запомнить, сколько ни старайся. Его можно только узнать, когда он приходит снова.

Я отвинтил крышку термоса и налил ей чаю — сладкого до неприличия, как она любила. Она взяла кружку двумя руками и какое-то время просто грела о неё пальцы, глядя на восток.

— Какой это у нас рассвет? — спросила она. — Если с самого первого считать.

— Не знаю. Восьмисотый какой-нибудь.

— Восемьсот тридцать первый, — сказала она с упрёком. — Снегирь, ну как тебе не стыдно. Кто-то же должен в этой семье вести учёт.

«В этой семье». Она сказала это легко, как о погоде, между двумя глотками. А у меня внутри что-то сжалось и долго не отпускало, потому что я вдруг представил всё, что стояло за этими словами и чему уже не хватит никаких рассветов.

— Замёрзла?

— Нет. — Она помолчала. — Со мной сегодня всё правильно. Так бывает, оказывается: когда всё правильно. Запомни это утро, ладно? Не фотографируй. Просто за-

помни. Плёнка — для того, что забывается, а это пусть лежит в другом месте.

— Где?

— Где у тебя лежу я.

— Подержи. — Она протянула мне ручку, я снял колпачок — она уже берегла пальцы — и на внутренней стороне бумажного крыла, в самой его глубине, написала несколько слов. Быстро. Не давая мне заглянуть.

— Что там?

— Желание. — Она подула на чернила. — Нечестно подсматривать чужое желание, Снегирь. Даже тебе.

Птица сложилась до конца и встала на её ладони — белая, остроносая, с чуть кривым левым крылом. У неё все журавлики были с чуть кривым левым крылом. Я узнал бы её журавлика из тысячи.

Из тысячи.

Она открыла шкатулку. Там, внутри, было тесно от белого — крылья к крыльям, клювы к клювам. Она посадила последнего поверх остальных, осторожно, словно живого, и закрыла крышку. Щёлкнул замочек. Звук был крошечный, а у меня в груди отозвался так, словно где-то захлопнули огромную дверь.

— Всё, — сказала она.

— Что — всё?

— Я досчитала до тысячи.

Небо за её спиной стало розовым. Свет шёл сквозь цветущие ветки и собирался у неё в волосах, на ресницах, в уголках губ — она вся была подсвечена, как бывает подсвечен сад в самое первое утро цветения, один раз в году. Она повернулась ко мне, и я увидел, что она улыбается, как люди, которые успели всё.

— Поцелуй меня, — попросила она. — Пока не взошло. Хочу, чтобы это было ещё сегодня.

Я поцеловал её. Губы у неё были тёплые и пахли яблоневым цветом — хотя, может быть, это пах весь мир. Я держал её лицо в ладонях и думал, что вот сейчас, сию секунду, у меня есть всё, что бывает у человека. Просто я ещё не знал, как называется то, что наступает после «всё».

Потом она положила голову мне на плечо и стала смотреть, как из-за крыш поднимается солнце.

— День засчитан, — прошептала она.

Лепесток оторвался от ветки, покружился и лёг на крышку шкатулки.

Если бы я умел тогда читать небо, как читала его она, я бы заметил, что сад в то утро цвёл слишком щедро. Так — из последних сил — цветут только те, кто прощается.

Но я не умел. Я просто сидел и был счастлив.

Это и было моё желание. Её я прочту позже.

Часть Первая

ДЕТСТВО

ГЛАВА 1

Мальчик, который не верил в солнце

Ася

Мне было семь лет, и я твёрдо знала про мир три вещи: самые вкусные яблоки растут на нижних ветках, бабушку Зою нельзя обыграть в дурака, а солнце по утрам нужно караулить, иначе оно взойдёт без тебя — и день будет *засчитан* не полностью.

Про солнце мне рассказала бабушка. Она вообще рассказывала мне всё самое главное — между делом, через плечо, помешивая варенье или раскладывая на веранде